

Манифесты «литературной революции» XVIII века в Германии

© 1980, Гугнин А.

«Sturm und Drang. Weltanschauliche und aesthetische Schriften» Hrsg. von Peter Muller, Aufbau-Verlag, Berlin und Weimar, 1978, Bd. 1 – 497 S.; Bd. 2 – 642 S.

В начале 70-х годов XVIII века в разных городах Германия независимо друг от друга сформировалось несколько кружков молодых литераторов, которые, опираясь на передовой общественный и художественный опыт Франции и Англии (Руссо, Дидро, Мерсье, Шекспир), а также на близкие им по духу явления национальной культуры (Лессинг, Гаман), попытались по-новому осмыслить функции и задачи литературы в современном им обществе, отыскать новые исходные позиции и новые плодотворные источники для ее дальнейшего развития. И уже через несколько лет они осознали себя как единое литературное направление и – более того – заняли ведущее место в историко-литературном процессе Германии. Позднее их стали называть «бурными гениями», «штюрмерами», поэтами «бурных стремлений». Наиболее устойчивым обозначением всего движения стал термин «Буря и натиск» («Sturm und Drang») – так называлась пьеса Фридриха Максимилиана Клингера (написана в 1776 и опубликована в 1777 году), в которой достаточно ярко отразились многие мировоззренческие и эстетические идеи штюрмеров. Гердер, Гёте, Мерк, Клингер, Ленц составили ядро так называемой «рейнской» группы «бурных гениев» (Страсбург, Франкфурт, Веймар); Хёльти, Фосс, братья Штольберги, И. -М. Миллер, Лейзевиц – геттингенский «Союз рожи», к которому очень близок был Бюргер? замечательный немецкий революционный демократ Шубарт и вслед за ним молодой Шиллер представляли левое «швабское» крыло «Бури и натиска». По-разному сложились дальнейшие судьбы этих писателей – в большинстве своем выходцев из небогатых бюргерских или пасторских семей и в полной мере испытавших нужду и лишения (Фосс, Бюргер, Шубарт, Хёльти, Шиллер, Ленц). Кого-то настигла ранняя смерть в нищете, как Хёльти (умер в 1776 году в Ганновере в возрасте двадцати восьми лет), кто-то сам свел счеты с жизнью (как Мерк, покончивший в 1791 году самоубийством). Кто-то до самой смерти сохранил непреклонную верность штюрмерским идеалам (как Бюргер, умерший в 1794 году), кто-то начисто от них отказался, перейдя на реакционные общественные позиции (как, например, братья Штольберги). Но большинство из них все-таки, изменяясь с ходом времени, не порывали до конца с идеями и идеалами «Бури и натиска», трансформируя и переосмысляя их в своем последующем творчестве. Трансформации и переосмысления эти тоже далеко не однородны, и между бывшими союзниками нередко возникали затем довольно заметные расхождения (например, расхождения позднего Гердера и Гёте, полемика Шиллера и Бюргера). Круг проблем, связанных с «Бурей и натиском», необычайно широк и разнообразен, и, естественно, они всегда привлекали внимание исследователей. Русских и советских литературоведов писатели «Бури и натиска» особо интересовали еще и потому, что некоторые из них подолгу жили в России (Гердер, Ленц¹, Клингер) и активно способствовали сближению и взаимопониманию наших национальных культур.

Писатели «Бури и натиска» (вместе с Клопштоком и Лессингом, у которых они многому научились), по сути дела, стоят у истоков «золотого века немецкой литературы» (или «века Гёте») – небывалого ее расцвета в последние десятилетия XVIII века и в начале XIX века. Проблемы, поднятые и по-своему разрешенные «бурными гениями» в 1770-е годы, – проблемы историзма, народности, национальной специфики и общественной действенности искусства, – продолжали оставаться актуальными и раскрывались своими новыми гранями в рамках «веймарского классицизма» и у романтиков, в творчестве Гейне, и у революционных демократов; особая роль им выпала и в сложном процессе формирования критического реализма в немецкой литературе.

Поэтому естественно и то большое внимание, которое уделяется «Буре и натиску» в литературоведении ГДР, где начиная с 50-х годов появилось немало серьезных работ, посвященных раскрытию тех или иных сторон всей этой обширной проблемы².

Профессор Берлинского университета имени Гумбольдта Петер Мюллер, составивший двухтомник литературных манифестов той поры и написавший обширное теоретическое введение и комментарии, уже много лет изучает творчество писателей, входивших в «Бурю и натиск». Еще в 1969 году он опубликовал книги «Критика и утопия в «Вертере» Гёте» и «Молодой Гёте в оценке современников». В 1976 году завершил диссертацию на тему: «Основные линии развития, мировоззрение и эстетика «Бури и натиска»³. Итоги и выводы диссертации определили теоретическую концепцию и принципы отбора материалов в рецензируемом двухтомнике «Буря и натиск. Мировоззренческие и эстетические манифесты», вышедшем в издательстве «Ауфбау».

Хочется сразу отметить текстологическую культуру книги. Здесь собраны и сверены по лучшим критическим изданиям порой весьма труднодоступные первые публикации многих работ Гердера, Гёте, Ленца, Мерка, Бюргера и Шиллера. Такой представительной антологии, позволяющей воочию увидеть огромное богатство мировоззренческих и эстетических идей «Бури и натиска», до сих пор не было. Естественно, что какой-либо подробный и основательный анализ самих этих идей в данной рецензии не представляется возможным. Мы остановимся лишь на отдельных сторонах концепции книги, заострим особое внимание на моментах проблематичных, требующих, на наш взгляд, дальнейших раздумий.

В литературоведении давно установилась традиция рассматривать движение «Бури и натиска» в широком контексте, общеевропейского литературного развития накануне Великой французской революции; развитие это отмечено определенным кризисом идеологии и литературы Просвещения, который, однако, знаменовал собой и новый, во многих отношениях более высокий, этап в развитии самого Просвещения.

Анализируя во «Введении», различные точки зрения на проблему «Бури и натиска», П. Мюллер весьма подробно рассматривает выдвинутое Гёте в «Поэзии и правде» определение «Бури и натиска» как «немецкой литературной революции».

«...Мы блуждали кружными путями, – пишет Гёте в одиннадцатой книге «Поэзии и правды», – и так с разных сторон подготавливалась немецкая литературная революция, свидетелями которой мы были и которой, сознательно или бессознательно, волей или неволей, но неудержимо содействовали». Особенно тщательно П. Мюллер выясняет идеологические и мировоззренческие позиции «Бури и натиска», их общественную программу, стараясь при этом точно нащупать пункты, отделяющие штюрмеров, с одной стороны, от просветителей (в том числе и от Лессинга) и, с другой стороны, от революционных демократов (в том числе и от Шуберта). Устранение феодальной верхушки с помощью литературы, то есть действительное упразднение феодальной иерархии, – вот цель «литературной революции», замечает исследователь. Он считает, что общественный профиль движения «Бури и натиска» определяла сформировавшаяся во Франции и воспринятая прежде всего Гердером, а за ним Гёте и другими штюрмерами идея необходимости и неизбежности устранения феодальных общественных отношений любым путем – вплоть до насильственного их свержения. «Доминирующей темой произведений и теоретических раздумий становится крайне заостренное противоречие между старым загнивающим обществом и развившимися потребностями буржуазии» (стр. -XXXIII- XXXIV)⁴.

«Страдания молодого Вертера», «Прометей», «Прафауст», «Гёц фон Берлихинген» Гёте, «Буря и натиск», «Страждущая женщина» Клингера, «Солдаты» и «Гувернер» Ленца, – «Крестьянин своему светлейшему тирану» Бюргера – вот типичные образцы литературы «Бури и натиска».

Весь первый том посвящен И. -Г. Гердеру. Большое место уделено ему и в теоретическом введении. П. Мюллер совершенно справедливо подчеркивает, что новаторские идеи Гердера, и прежде всего идея историзма в ее применении к развитию общества, были важнейшим теоретическим фундаментом, сразу и четко определившим направление развития движения «Бури и натиска». Идея историзма общественного развития у Гердера включала в себя такие важнейшие моменты: единство и связь

исторического процесса как отражение единства и связи всего мироздания; признание самоценности, своеобразия и необходимости (закономерности) каждой исторической эпохи (в отличие от французских просветителей, например, Гердер не отрицает средневековья как новой, закономерной и по-своему исторически прогрессивной ступени исторического развития общества); понятие о закономерном прогрессе в развитии общества в целом, несмотря на все сложности и противоречия, могущие возникнуть на том или ином историческом этапе в той или иной стране; представление о современности как о всемирно-историческом поворотном пункте в этом прогрессивном развитии. Всемирно-исторический поворот, который Гердер включал в свою концепцию истории, был не чем иным, как бесповоротным (хотя и не одновременным) переходом Европы на рельсы капиталистического развития, уничтожением ненавистного и изжившего себя феодального строя. Исследователь не упускает из виду и социально-критическое начало общей концепции истории у Гердера, который, не формулируя прямо мысль о ведущей роли народа в истории, тем не менее постоянно и с разных сторон подходит к этой проблеме, особенно в процессе раздумий о взаимосвязи и взаимодействии личности и движения истории. Не отрицая значимости и роли личности в истории,

Гердер поставил под сомнение сколько-нибудь определяющую роль отдельных личностей в ведущих процессах эпохи. Особенно нелепыми представлялись ему притязания на ведущую роль в истории тех или иных правителей, монархов. Движение истории определяется своими, внутренними закономерностями, и отдельная личность, как бы высоко она ни стояла, может либо способствовать развитию этих закономерных и неизбежных процессов, либо она будет пытаться воспрепятствовать им. «История у Гердера становится историей народов; она перестает быть историей их правителей», – справедливо отмечает П. Мюллер (стр. 11).

Внимательно и дифференцированно рассмотрен исследователем процесс трансформации и модификации концепции истории Гердера в среде штурмеров: глубочайшее творческое освоение и развитие ее в эстетике и творчестве Гёте, усиление нравственного, религиозно-идеалистического акцента – у Ленца, усиление социально-критического начала, особенное внимание к социальной стороне сформулированного Гердером положения об историческом развитии как о борьбе и взаимодействии противоречий – у Иоганна Генриха Мерка. Гениальный сподвижник Гёте и старший по возрасту участник «рейнской труппы» штурмеров, ведущий организатор и редактор (в 1772 году) «Франкфуртских ученых известий» – одного из важнейших конституирующих документов «Бури и натиска»⁵, – Мерк представлял, как справедливо показывает П. Мюллер, революционно-демократическую струю⁶ «Бури и натиска».

Незаурядная фигура Мерка – «Мефистофеля» в глазах позднего Гёте, считавшего себя «Фаустом», – примечательна еще и в том смысле, что деятельность его является как бы естественным перекидным мостиком от «Бури и натиска» к немецким революционным демократам конца XVIII века. Этот вопрос менее изучен П. Мюллером, и в то же время его разработка должна привести к логическому выводу о близости левого крыла «Бури и натиска» к революционной демократии⁷.

П. Мюллер, с одной стороны, неоднократно подчеркивает антифеодальный пафос «Бури и натиска», показывает, что в отличие от немецких просветителей штурмеры бесстрашно обрушивались на самые основы феодального строя, приближая его неизбежный конец. С другой же стороны, он так или иначе сужает левое революционно-демократическое крыло «Бури и натиска». Это сужение идет по нескольким линиям: искусственно, на наш взгляд, сдвигаются хронологические рамки «Бури и натиска». 1770 год как условный исходный пункт штурмерского движения вряд ли может вызывать серьезные возражения, но трудно согласиться с педантичной ориентацией на итальянское путешествие Гёте в 1786 – 1788 годах как на завершение «Бури и натиска». Для Гёте это действительно было рубежом, и для Шиллера – тоже. Но не для Г. Бюргера, который, по сути, до самой смерти сохранял верность радикально-демократическим идеалам штурмеров, мужественно отстаивая их в усложнившихся политических и идеологических условиях Германии начала 1790-х годов. Poleмика Бюргера и Шиллера в 1791 году – яркое тому свидетельство⁸.

Радикализация идейно-эстетических позиций Мерка, реалистическая трезвость его поздних новелл («Господин Огейм-младший», 1778) не могут скрыть того факта, что это «отрезвление» все-таки трагично-штурмерское, подтверждение тому неожиданное самоубийство Мерка в 1791 году,

«необоснованность» которого позднее отстраненно-скептически подчеркнул Гёте (хотя самоубийство это вполне в духе «Страданий молодого Вертера» и, следовательно, в духе «Бури и натиска»).

Отбор включенных в двухтомник памятников ограничен 1770 – 1780 годами, исключение сделано только для Шиллера, все работы которого написаны и опубликованы после 1780 года. Естественно, что двухтомник не мог вместить в себя всех философских и эстетических манифестов «Бури и натиска», но почему все-таки никому из штюрмеров в двухтомнике не дано было перешагнуть за рубеж 1779 года, нигде не пояснено. А между тем включение хотя бы нескольких более поздних работ Бюргера, Фосса, Мерка и даже Гердёра показало бы диалектику развития «Бури и натиска», действенность и правомерность ряда штюрмерских идей в полемике с веймарским классицизмом». Идеи «Бури и натиска» пришли к Жан Полю и романтикам как живое и действенное наследие – не менее живое и действенное, чем «веймарский классицизм».

Недостаточно обоснованно, на наш взгляд, П. Мюллер выводит за рамки движения «Бури и натиска» Кристиана Фридриха Даниэля Шубарта (1739 – 1791). Поэзия, новеллистика, публицистика да и сама полная бурных стремлений жизнь Шубарта объективно не отчуждены от общего круга настроений и идей «Бури и натиска». Просто не нужно, видимо, проводить столь резкую и непроходимую границу между творчеством и идеями штюрмеров и немецких революционных демократов конца XVIII века, – источником их протеста и раздумий была одна и та же немецкая и европейская действительность, и при всей очевидной верности подмеченных П. Мюллером различий их представлений о революции творчество Шубарта все-таки вряд ли возможно отторгнуть от «Бури и натиска»;

Не всегда удастся П. Мюллеру избежать одной опасности, во многом обусловленной спецификой, самого материала, и избранного ракурса исследования. Анализируя теоретическое наследие писателей, нельзя ни на миг забывать, что они воздействовали на своих читателей не только, а зачастую и не столько своими философско-эстетическими работами, сколько непосредственно художественными произведениями. Что касается штюрмеров, то здесь, пожалуй, все более или менее в порядке. Но несколько недооцененной нам представляется позиция Лессинга, а главное, общественное и объективно антифеодалное звучание его творчества. В общественно-политическом плане Лессинг в гораздо большей степени, союзник штюрмеров, чем это может показаться из концепции. П. Мюллера, считающего, что ни один из немецких просветителей не покушался на политические основы феодального строя. Но все-таки «Эмилия Галотти» (1772) Лессинга предшествовала драмам «Бури и натиска» не только хронологически: эта драма открывала путь и для самой решительной критики феодального строя – вплоть до «Коварства и любви» Шиллера. Невольно вспоминаются слова Н. Г. Чернышевского, который утверждал, что «в великой борьбе, целью которой было возрождение немецкого народа, не только план битвы принадлежит ему, но и победа, была одержана им...»⁹.

Полнота и многообразие собранных в двухтомнике публикаций, теоретический и претендующий на полную завершенность характер концепции, построенной, однако, на специфическом материале – на основе анализа философских и эстетических манифестов, но без достаточно полного учета контекста самого литературного творчества штюрмеров, – все это очевидно. П. Мюллером проделан труд безусловно большой и полезный, он хорошо вписывается в общий контекст марксистских исследований «Бури и натиска», и поэтому мы хотели бы, чтобы высказанные в рецензии критические соображения были восприняты в качестве пожелания дальнейшей разработки всего комплекса этих сложнейших и интереснейших проблем.

1. Именно Ленцу было посвящено первое в России монографическое исследование периода «Бури и натиска»: М. Н. Розанов, Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц. Его жизнь и произведения. Критическое исследование, М. 1901. Последний (19-й) вывод этой диссертации гласит: «Общение Карамзина с Ленцем не прошло бесследно для молодого русского писателя. Ленц внес свою лепту в подготовку Карамзина к путешествию по Западной Европе и сыграл известную роль в образовании его литературных симпатий, свидетельствующих о близости к тенденциям периода «бурных стремлений».

2. Н. Stolpe, Die Auffassung des jungen Herder vom Mittelalter, Weimar, 1955; Е. Braemer, Goethes Prometheus und die Grandpositionen des Sturm und Drang, Weimar, 1959. Важное методологическое значение имеют многие работы В. Крауса.

Этот перечень, разумеется, легко продолжить, особенно если учесть публикации самих текстов и библиографические труды. Из последних назовем хотя бы один, возникший в результате плодотворного сотрудничества Национального центра по изучению классической немецкой литературы в Веймаре и ВГБИЛ в Москве: G. Gunther, A. A. Volgina, S. Seifert, Herder-Bibliographie, Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1978, 644 S

3. P. Muller, *Zeitkritik und Utopie in Goethes «Werther»*, Rutten und Loening, Berlin, 1969; P. Muller, *Der junge Goethe in zeitgenössischen Urteilen*, Akademie-Verlag, Berlin, 1969; P. Muller, *Grundlinien der Entwicklung, Weltanschauung und Ästhetik des Sturm und Drang*. Dissertation B., Berlin, 1976.
4. Для сравнения приведем высказывание В. Жирмунского из работы «Период «бури и натиска»: «Литература «бури и натиска» является своеобразным выражением боевой оппозиционной идеологии поднимающегося немецкого третьего сословия и, сохраняя основную идейную направленность просветительской литературы, знаменует ее заключительный этап» (В. Жирмунский, *Очерки по истории классической немецкой литературы*, «Художественная литература», Л. 1972. стр. 282).
5. Направление, содержание и программный характер «Франкфуртских ученых известий» хорошо освещены П. Мюллером и Г. -Д. Данке в послесловии к книге: «*Frankfurter Gelehrte Anzeigen. 1772. Auswahl*», Hrsg. von H. -D. Dahnke und P. Muller, Leipzig, 1971, S. 437 – 469.
6. Этот момент был убедительно раскрыт В. П. Неустроевым в его книге «*Немецкая литература эпохи Просвещения*», Изд. МГУ. 1958, стр. 190 – 194.
7. Проблема демократизма Гердера детально исследована в работах Г. Штольпе, в том числе в статье: H. Stilpe, *Nationale und internationale Aspekte der Klassenauseinandersetzung in Herders «Briefen zu Beförderung der Humanität»*, in: *Johann Gottfried Herder, Zur Herder-Rezeption in Ost- und Südosteuropa (Slavische Studien und Texte*, Hrsg. von G. Ziegengeist), Akademie-Verlag, Berlin, 1978, S. 66 – 67.
8. Нам представляется неправомерной однозначная оценка этой полемики в пользу Шиллера («*История эстетики*», «Искусство», М. 1964, т. II, стр. 584). Более диалектична точка зрения Л. Лозинской («*История немецкой литературы*», Изд. АН СССР, М. 1963, т. 2, стр. 266).
9. Н. Г. Чернышевский, *Полн. собр. соч.* в 15-ти томах, т. IV, Гослитиздат, М. 1948, стр. 10. Что касается «Эмили Галотти», то, думается, П. Мюллер (стр. LIII) несколько недооценивает ее объективное политическое звучание в Германии того времени. Более убедительной представляется трактовка Н. Вильмонта в статье «*Лессинг как художник*» Готхольд Эфраим Лессинг, *Драмы. Басни в прозе*, «Художественная литература», М. 1972, стр. 26).